

ОН ПОХОДЯ ОТПИЛИВАЕТ ГОЛОВЫ СВОИМ АССИСТЕНТКАМ

Конец правды. - 1994 - 2 дек. с. 19
А мужчины всего мира готовы распилить знаменитого фокусника Копперфильда из ревности к его очаровательной невесте Клаудии Шиффер.

Российские телезрители имели возможность в этом убедиться, когда несколько месяцев назад был показан у нас ролик с чудесами, которые с легкостью необыкновенной, не обронив даже капельки пота, демонстрировал он.

Растворить в воздухе статую Свободы? — Пожалуйста. Заставить исчезнуть вагон «Восточного экспресса»? — Тоже не проблема. Влиться телом в древние камни Великой китайской стены и минутой-двумя позже появиться на стороне противоположной? Сущие пустяки.

Про распиливание туловищ, про отрезание голов, про превращение людей в зверей даже говорить не стоит. Это — мелочи. Сам Копперфильд считает себя величайшим иллюзионистом всех времен и народов. Говорит об этом простенько, как о само собой разумеющемся. Импресарио безропотно с ним соглашаются. Публика тоже. Иначе не были бы заполнены до отказа абсолютно все залы, в которых он выступает, — в Штатах, в Европе, где угодно. Иначе не удавалось бы ему драть со зрителей такую оплату за входные билеты, которая сравнится разве может с ценой билетов на концерты оперных див. Иначе не расписан был бы многие и многие годы вперед его график.

Иначе не входил бы он в пятерку самых дорогостоящих «звезд» мирового шоу-бизнеса в одном ряду с Майклом Джексонем, Мадонной и Шварценеггером.

Иначе, и тут уж я просто гадаю, — не глянул бы он Клаудии Шиффер, которая, придя как-то на его концерт, там же, не сходя с места, в него влюбилась.

За иллюзии ...

Дэвид и Клаудия.

Вот интересно: влюбилась бы Клаудия Шиффер в Дэвида Коткина, если бы у Дэвида Коткина не было трех миллионов долларов, чтобы купить Клаудии на помолвку кольцо с бриллиантом. Но Дэвид Коткин давно не Дэвид Коткин. Он Дэвид Копперфильд. Дурацкий псевдоним. У бывшего Коткина с диккенсовским героем так же мало общего, как у среднестатистического американца с привязанностью и любовью к классической литературе.

Дэвид Коткин, не полюбился и Дэвид Копперфильд — настолько, что и за тридцать миллионов не пошла бы за него. Дэвид,

между прочим, по его собственным словам, трюками занимался в отрочестве потому во многом, что рассчитывал привлечь к себе внимание девушек. Ничем иным привлекателен он не был.

Вообще-то, если верить слухам, сплетням и намекам, и у Клаудии с Дэвидом не все так уж роскошно, как можно было подумывать. Спросишь у них самих, и выяснится, что со свадьбой они уже не торопятся, говорят о ней туманно. И фоторепортеры заметили: вымученные, заученные получают у Клаудии и Дэвида улыбки и объятия, когда их просят позировать вместе. Чувства нет, говорят фотографы, искренности и спокойствия душевного.

Я сам в этом убедился, оказавшись на приеме, где объявились они. Его улыбка, которую британцы зовут «сырной», — так просят улыбаться в объектив, приговаривая: «Скажите «чиз» — «сыр».

Случилось что у них? Надоели друг другу? Не отвечают. Иногда, правда, промелькнут в их высказываниях сетования. На странности и чудачества. Копперфильд в основном сетует. На то, что невеста его не может улечься в постель, не устроив там же кучу плюшевых медвежат, тигров, слоников и прочих игрушечных придурков, которые ему самому, великому иллюзионисту, место подле нее не оставляют вовсе.

Злорадствуют, понятно, мужчины, которым покоя не дает сама мысль о том, что сверхнедоступная, как казалось, суперзвезда мира моды, — женщина, из-за которой разламывались сердца и терялись головы, вдруг бросила якорь, остепенилась, привязалась к человеку, не стоящему, по убеждению воздыхателей Клаудии, даже заусеницы на ее мизинчике, хотя и богат он баснословно, и популярен фантастически.

«Не тем велик и феноменален Копперфильд, — с чувством писал кто-то из лондонских критиков, — что способен проходить на глазах изумленных толп сквозь Великую китайскую стену и делать так, что растворялась в воздухе статуя Свободы в нью-йоркской гавани, а тем, что он, мужичок такой страшненький, смог подцепить такую очаровашку».

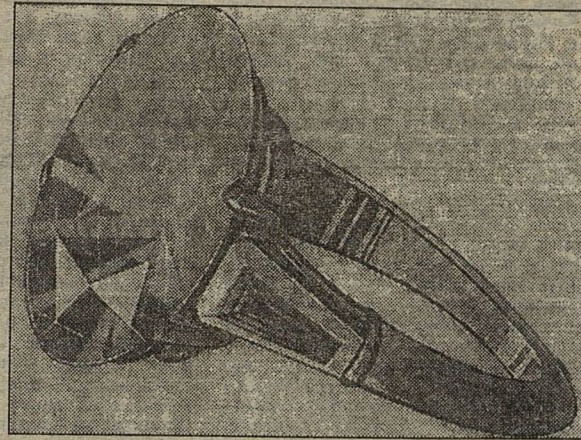
Не знаю, почему британская пресса так окрысилась на Копперфильда, который недавно впервые побывал в Лондоне с гастрольями. Что бы ни говорил он, что бы ни делал, какие бы головокружительные трюки ни показывал, британские рецензенты не то что в восторг, но даже в простую доброжелательность не приходили.

Может, оттого, что во всех своих интервью перед гастрольями Копперфильд говорил абсолютно одно и то же. Даже если вопросы ему задавались изобретательно, совершенно непохожие друг на друга, он умудрялся повторить слово в слово то, что говорил накануне.

Может, оттого, что билеты на концерты его оказались умопомрачительно дорогостоящими: под пятьдесят фунтов стерлингов — в два раза дороже, чем на спектакли в лучших лондонских театрах.

Настрой для восприятия того, что происходило на сцене, был изрядно подпорчен и бедламом, который царил на подъездах и подходах к столичному залу Эрлс Корт, где давал Копперфильд свои представления. Выложив по полсотни фунтов, британцы вынуждены были отстаивать в гигантских очередях, которые пропускали через турникеты вроде тех, что в метро. Концерты всякий раз задерживались минут на сорок. Народ был нервный и злой. Еще час приходил в себя, и головы, которые в этот час отпиливал Копперфильд у своих ассистенток, и копы, что вгонял он в собственное туловище, и длинненькие ножки танцовщиц, заставлявших паузы между трюками, оставались вроде как и незамеченными.

А коронный трюк — полет над сценой вместе со зрительницей-добровольцем, извлеченной из зала, — был слишком уж правдоподобен, чтобы британцы, язвительные

Кольцо — подарок самого богатого иллюзиониста в мире.

скептики по натуре, могли позволить себе просто наслаждаться этим редкостным зрелищем. По их напряженным лицам было видно: пытаются найти стальные канатики, на которых, по их убеждению, и летал Дэвид Коткин. Не нашли. И тогда подобрали другое объяснение. Его изложил в своей рецензии критик из «Ивингтон стандард»: «Штаны исподние у мага, наверно, были сильно намагничены, магнитами его и перемещали по воздуху».

И еще одну язвительность позволил себе критик: «Говорят, — написал он, — 38-летнему Копперфильду понадобилось четырнадцать лет, чтобы изобрести этот трюк. Что вполне понятно: год ушел на то, чтобы выучиться летать, а потом тринадцать лет он придумывал, как сделать так, чтобы во время полета прическа его сохранялась в девственно нетронутым виде».

Не подготовился, выходит, Дэвид Копперфильд, в отрочестве Коткин, потомок российских эмигрантов, к встрече с Британией.

Александр ШАЛЬНЕВ
 (Соб. корр. «Известий» —
 специально для «КП»)

Лондон.